

оригинальная статья

Политическая социализация советских школьников в пространстве детской публичной дипломатии (на примере международных визитов)

Турыгин Александр Александрович
Костромской государственный университет, Россия,
Кострома
<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>
Scopus Author ID: 57219485475
aturigin@mail.ru

Куприянов Борис Викторович
Московский городской педагогический университет,
Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>
Scopus Author ID: 57131078100

Талалаев Артём Александрович
Костромской государственный университет, Россия,
Кострома
<https://orcid.org/0000-0003-4891-287X>

Поступила в редакцию 29.01.2023. Принята после рецензирования 07.03.2023. Принята в печать 13.03.2023.

Аннотация: Статья раскрывает понятие *политическая социализация* советских школьников на примере детской публичной дипломатии в 1980-е гг. (1982–1986 гг.). Детская дипломатия рассматривается в фокусе международных визитов (С. Смит, К. Лычёва), оставляя за рамками предмета исследования другие факторы политической социализации, такие как еженедельные политинформации, мероприятия по сбору средств для голодающих детей Африки и Никарагуа, интернациональную переписку. Обращение к международным визитам представляет ценность с точки зрения практического опыта взаимодействия советских детей с иностранцами. Главными акторами этого взаимодействия стали дети. В статье сделана попытка понять детскую дипломатию в первую очередь с точки зрения теоретического (символического) осмысления этого относительно нового для современной российской историографии феномена. Сделан вывод, что политическая социализация под влиянием идеологии трансформировала детскую повседневность, вытеснив из нее свободу выбора и возможности, соответствующие детскому возрасту. Опыт детской дипломатии с учетом потенциальных возможностей и недостатков позволил сформулировать проблемные аспекты политической социализации. Анализ практики детской дипломатии также показал наличие напряженности между публичным и частным измерением международной политики, актуализировал фактор транснациональной международной активности в развитии двусторонних советско-американских отношений. Обращение к личному опыту детей, источником для изучения которого стали их собственные воспоминания, воспоминания современников, публикации в прессе, позволило оценить проект детской дипломатии как не до конца реализованный, отклонившийся от своего первоначального сценария, выходящий из-под прямого контроля политических элит, главным образом из-за особенностей детской психологии и непосредственности поведения детей, что проявилось в пространстве международной политики. Представленный общественности как начавшийся спонтанно детский международный диалог в конечном счете приобрел форму именно политической технологии. Тем не менее такая политическая технология оказалась зависима от специальных ресурсов и затрат на политическую социализацию советских детей, поскольку впервые речь зашла не о недостижимых «заграничных друзьях», с которыми можно было общаться по переписке, а о реальном живом общении. Технология оказалась уязвима ввиду специфики детского восприятия реальности и поведения самих участников международных визитов.

Ключевые слова: политическая социализация, советские дети, публичная детская дипломатия, Дети как миротворцы, политическая идеология, интернациональные визиты, движение за мир, холодная война, историография, история повседневности

Цитирование: Турыгин А. А., Куприянов Б. В., Талалаев А. А. Политическая социализация советских школьников в пространстве детской публичной дипломатии (на примере международных визитов). *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3. С. 331–342. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-331-342>

full article

Political Socialization of Soviet Schoolchildren as Part of Children's Public Diplomacy: International Visits

Alexander A. Turygin

Kostroma State University, Russia, Kostroma

<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Scopus Author ID: 57219485475

aturigin@mail.ru

Boris V. Kupriyanov

Moscow City Teacher Training University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>

Scopus Author ID: 57131078100

Artyom A. Talalaev

Kostroma State University, Russia, Kostroma

<https://orcid.org/0000-0003-4891-287X>

Received 29 Jan 2023. Accepted after peer review 7 Mar 2023. Accepted for publication 13 Mar 2023.

Abstract: The article describes the concept of political socialization of Soviet schoolchildren based on children's public diplomacy in 1982–1986. The authors concentrated on the international visits made by Samantha Smith and Yekaterina Lychyova. The research did not involve other factors of political socialization, e.g., weekly political information, fundraising events for the starving children of Africa and Nicaragua, foreign pen-pals, etc. These international visits provided valuable practical experience of interaction between Soviet and foreign children. Children's diplomacy is a relatively new phenomenon for Russian historiography, and the authors attempted to define its theoretical and symbolic meaning. The ideology-affected political socialization transformed children's everyday life, depriving it of the freedom of choice and opportunities. The analysis of children's diplomacy with its potential opportunities and shortcomings made it possible to determine the bottlenecks of political socialization. It revealed the tension between the public and private dimensions of international politics and actualized the factor of transnational activity in the development of bilateral Soviet-American relations. The research relied on the personal experience of those children, their memories, memoirs of their contemporaries, media publications, etc. The project of children's diplomacy failed because it deviated from its original scenario. Every time the process was out of direct control of political elites, children's psychology and behavior interfered with the plan.

Keywords: political socialization, Soviet children, children's public diplomacy, Children as Peacekeepers, political ideology, international visits, peace movement, Cold War, historiography, the history of everyday life

Citation: Turygin A. A., Kupriyanov B. V., Talalaev A. A. Political Socialization of Soviet Schoolchildren as Part of Children's Public Diplomacy: International Visits. *SibScript*, 2023, 25(3): 331–342. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-331-342>

Введение

Понятие *политическая социализация* характеризует процесс формирования политической идентичности через стандарты и модели поведения, способствующие функционированию политической системы. Его содержательную сторону составляют идеи, представления и ценности, способствующие становлению политических ориентаций, сознания и отношений к себе и обществу. Через агентов политической социализации, таких как семья, школа, масс-медиа, политические организации и партии, на всем протяжении жизни человек усваивает и начинает транслировать определенный уровень политической культуры [Montandon, Beebe 1989].

Одним из инструментов политической социализации является общение, специфический исторический контекст которого можно обнаружить в пространстве детской публичной дипломатии. В то время как

эксплицитные рамки понятия *детская дипломатия* прямо указывают на международный аспект такого общения, его имплицитные свойства подразумевают внутреннюю готовность ребенка транслировать нормы и ценности конкретной политической системы. Формирование этой готовности в контексте детской дипломатии означало целенаправленное создание и погружение ребенка в чувствительную воспитывающую ситуацию, учитывающую возрастные особенности, для последующей ретрансляции им сложного идеологического информационно-символического контента.

Пример советских и американских школьников в позднюю фазу холодной войны СССР и США убедительно доказывает, что детская публичная дипломатия становится инновационным средством политической социализации.

Детская дипломатия как феномен международной общественно-политической реальности 1980-х гг. представляет собой специфическую коммуникационную сферу взаимодействия между странами, основными акторами которого являлись дети, наделенные неформальной международно-правовой субъектностью. Предлагаемое авторами статьи определение основывается на ряде соображений:

1) его актуальность связана с незавершенностью дискуссий о детской дипломатии и ее институциональных характеристиках;

2) в современных общественных науках возрастает понимание *политического* через осмысление политической роли тех субъектов и институтов, которые традиционно исключались из процесса принятия политических решений (семья, школа, церковь, дети, женщины и др.);

3) в связи с возрастанием конфликтности современных международных отношений, что активизирует поиск новых, неформальных каналов ее преодоления.

Кроме соображений об актуальности детской дипломатии, важным условием понимания ее природы остается соотнесение с историческим контекстом 1980-х гг. Представляется, что принципиальной характеристикой исторического контекста в рамках исследования данного феномена является изменение представлений о детстве: от футурологических установок на будущее, где детство понималось как временный этап, который нужно было быстро преодолеть, чтобы помочь взрослым строить новый мир, до целенаправленного и систематического приучения к ответственному участию в социальной жизни в соответствии с конкретным возрастом [Макинтайр 2000: 224].

Взаимная заинтересованность в преодолении стереотипического представления у главных антагонистов холодной войны представляется еще одной исторической характеристикой 1980-х гг. [Бережков 1988; Бонвеч 2017; Гачев 1997; Головакова 1978; Касьяненко 1987; Холландер 2001; Groh 1992; Nixon 1989]. Этот взаимный интерес был следствием кратковременной разрядки в холодной войне, которая увеличила международные контакты, оказав влияние на появление клубов международной дружбы и альтернативный выбор иностранных языков в школе.

Наконец, итогом расширения международных контактов становится предпочтение информационно-имиджевых внешнеполитических технологий. О «новой» внешнеполитической концепции, ставшей предпочтительной для сверхдержав, пишет Дж. Най, отдельно отмечая, что взаимное убеждение в правильности и справедливости ценностей и идеалов для США и СССР должно было способствовать увеличению имиджевого капитала в пространстве мировой политики [Най 2006].

Понятие *детская дипломатия* для отечественной историографии является относительно новым, заимствованным в 2000-е гг. из западной научно-публицистической литературы для обозначения интернациональной составляющей политической социализации детей [Келли 2003; Мычко, Денисова 2021; Попов 2018a; Adam 2018; Нутан 1959; Neumann 2019]. Без уточнения специфики, связанной с детством, его аналогом в историографии оставалось более широкое понятие *культурная дипломатия* [Нагорная 2015; Новиков, Морозов 2020; Цветкова 2012; Alexander, McConnell 1993; Ang al. 2015; Conover 1991] или специфически советский термин *народная дипломатия* [Коган 2012; Мартыненко, Матвиенко 2012]. Анализ приведенных дефиниций позволяет заключить, что все они затрагивают сферу общественной активности, включая в себя открытый межкультурный диалог, дистанцированный от государственной политики и направленный на то, чтобы смягчить ее, возможно, негативное восприятие. Такой диалог предназначался для содействия взаимопониманию и преодоления разногласий неполитическими средствами, включая «другую историю о стране», которая с разной степенью модальности отличалась от ее официальной версии. При этом терминологически сохранялось определенное напряжение, поскольку в условиях идеологического противостояния детская дипломатия с ее неполитическими средствами диалога была подчинена достижению конкретных политических целей.

Потенциал детской дипломатии в условиях 1980-х гг., когда «образ враждебного западного капитализма начал тускнеть» [Джуринский 2003: 12; Foglesong 2020], для СССР стал своего рода инновационным средством внешней и внутренней легитимации режима. С одной стороны, обращение к детству в условиях ядерного противостояния и возобновившейся на фоне кризиса политики разрядки идеологической войны формировало внешний положительный образ СССР как гаранта мира без войны во имя будущих поколений [Kozovoï 2007], с другой – оно напоминало борьбу католической церкви на исходе Средневековья с мощным реформационным движением, охватившим Европу, когда дефицит авторитетов и их рациональных доводов уступил место инсценировке визуальных эффектов (чудеса, мощи святых, реликвии).

Аллюзия на Средневековье привносит в понимание детской дипломатии символический смысл, когда воздействовать на мир приходилось с помощью визуализации и веры в увиденное (символическая власть) [Бурдье 2007]. Такая символическая власть выстраивалась на традиционном восприятии детства через понятия невинности и непорочности, которые посредством дипломатии были перенесены в сферу политики

[Neumann 2019]. Использование символической власти в связи с детьми, по мнению М. Пикок, в равной мере было присуще странам по обеим сторонам железного занавеса. И коммунистические, и капиталистические дети считались счастливыми, обеспеченными и невинными благодаря моральной идеализации соответствующих политических систем. Настоящие линии фронта холодной войны, заключает американская исследовательница, лежали не между капитализмом и коммунизмом, не между Америкой и Советским Союзом, а между создателями дискурса публичной детской дипломатии, т. н. архитекторами консенсуса, и их целевой аудиторией [Peacock 2014: 213].

Статья обращает внимание на детскую дипломатию как инновационное средство, отвечающее взаимной потребности к преодолению разногласий между двумя сверхдержавами в 1980-е гг. Кроме отдельных, вытекающих из исследования феномена детской дипломатии вопросов, каждый из которых может стать предметом отдельного анализа (об архитекторах консенсуса, о советском проекте вестернизации, об идейно-политической интервенции в жизненный мир советских детей с целью ретрансляции советских ценностей, о границах интернационализма), представляется наиболее важным очертить теоретические рамки проблемы с учетом уже имеющихся в современной российской и зарубежной историографии работ.

Методы и методология

Методология статьи выстраивается на принципах и теоретических конструкциях истории повседневности [Зубкова 1999; Козлова 1996; Кром 2003; Лившин, Орлов 2002; Людтке 1999; 2010], где приоритет отдается «истории маленьких людей» и их субъективному восприятию («история изнутри» [Galich 1987]), основанному на личном опыте, практиках и переживаниях, посредством которых реализовалась субъектность. Использование дискурсивно-аналитического метода позволяет рассматривать пространство детской дипломатии через призму запретов и разрешений того, что можно было говорить и как надлежало себя вести в ходе интернациональных визитов. Понимание *политического* как *символического* пространства с помощью интерпретационного метода дает возможность оценить внешние эффекты интернациональных визитов. В этом отношении интерес представляют исследования М. Эдельмана

и У. Сарсинелли, которые рассматривают символическую политику через механизмы дублирования политической реальности, где с целью формирования эмоциональной вовлеченности аудитории значимость придается выражению политических актов драматургическими средствами [Edelman 1964; 1971; 1988; Politikvermittlung... 1988; Sarcinelli 2011].

Понятийный аппарат

Понятие *детская дипломатия* 1980-х гг. в современной историографии обычно трактуется в связи с феноменом интернационализации и концептом интернациональной дружбы [Белова 2015; Куц 2010], массовым движением детей и молодежи в борьбе за мир [Раева 2017] или биографиями послов мира Саманты Смит¹ и Кати Лычёвой². Кроме того, в последние годы в российской историографии наблюдается повышенный интерес к определению дискурсивных рамок специфически *детского* в пространстве культурной дипломатии СССР и США [Нагорная 2017; Попов 2017; 2018b; Cummings 2009].

Интересный взгляд на детскую дипломатию через призму детского обаяния предлагают О. С. Нагорная, А. Д. Попов и Т. В. Раева – рассматривать потенциалы детской дипломатии во взаимно направленной прямой и дистанционной форме (детские поездки, детская переписка) [Нагорная и др. 2018: 368]. Важным условием детских контактов, во всяком случае для СССР, являлся, как отмечают исследователи, своеобразный кредит лояльности по отношению к советскому государству. Предпочтение отдавалось детям участников антифашистского сопротивления, национально-освободительного движения, а также активистов и популяризаторов советской идеологии на Западе [Нагорная и др. 2018: 369–370]. В СССР выбор детей осуществлялся последовательно и вполне осознанно из тех, кто имел особые заслуги в деле идеологической грамотности, успеваемости, дисциплины и собственно личных достижений, способных представить советское государство в лучшем свете (спорт, наука и техника, творчество, организационная деятельность). Именно такие дети в СССР получали путевки в «страну пионерского счастья» – международный детский лагерь «Артек» [Нагорная и др. 2018: 372]. Тщательный отбор и вовлечение детей в международные отношения, определение мест встречи, составление специальных программ пребывания в стране, заключают О. С. Нагорная, А. Д. Попов и Т. В. Раева, сформировали

¹ Матросов В. Саманта Смит: документальная биография. М.: Delibri, 2022. 102 с.; Сахатова О. О Саманте, шоколадках, бантиках и бдительных спецслужбах. *Неофициальный сайт МДЦ Артек*. URL: <http://artekovets.ru/samsmitvoj.html> (дата обращения: 20.12.2022); Симонов В. Маленький посол мира. *Огонёк*. 1986. № 16; Смит С. Путешествие в Советский Союз. М.: Новости, 1986. 127 с.

² Тихомиров В. Девочка доброй воли. *Огонёк*. 13.08.2006; Шидловский К. Катя Лычёва – девочка и ледокол. *Московские новости*. 01.04.2011; Чернышёва В. Что стало с советским «голубем мира» Катей Лычёвой. *Российская газета*. 22.05.2014.

т. н. «запрос на романтизацию и позитивное эмоциональное окрашивание процесса борьбы за мир и дружбу, которая превратилась в постоянно действующий механизм мобилизации трудовых и материально-финансовых ресурсов населения», что не позволяло рассматривать детскую дипломатию как самостоятельное явление, а, скорее, как "глобальный спектакль" с участием детей, режиссируемый чиновниками и представителями СМИ» [Нагорная и др. 2018: 390].

Хотя анализ литературы не позволяет сформулировать само понятие детской дипломатии, что свидетельствует о его научной новизне, он дает возможность определить некоторые дискурсивные рамки.

Во-первых, детская дипломатия соотносима с политической технологией, в которой дети сами по себе являются сильнейшим катализатором эмоций, а эмоциональная сфера – фактором принятия политических решений [Верчагина, Бахарева 2020; Манюшкина, Фуфаева 2015; Манучарян, Сокова 2018]. Важно отметить, что СССР с самого начала принимал постоянный поток иностранных посетителей с Запада, стремящихся стать свидетелями «великого эксперимента» [Дэвид-Фокс 2015: 61–114]. Социалистическое государство придавало большое значение имиджу СССР за рубежом. Хотя количество посетителей из-за рубежа заметно сократилось в более поздний сталинский период, с появлением Всесоюзного общества культурных связей за границей (ВОКС) в 1925 г. и его преемника – Союза советских обществ дружбы и культурных связей (ССОД) в 1957 г. – в СССР были созданы органы для содействия и координации советской интернациональной культурной миссии в стране и за рубежом. Общества дружбы, такие как Американское общество культурных связей с Россией (основано в 1926 г.) или позже Национальный совет американо-советской дружбы (основан в 1943 г.), возникшие в США, стали центральными агентами культурного обмена. Во время холодной войны эти сети организаций дружбы рассматривались советскими политиками как важные каналы для продвижения положительного имиджа СССР за рубежом.

Во-вторых, детская дипломатия рассматривается в контексте практик повседневного переживания страхов ядерной войны. Рост напряженности между сверхдержавами и конфронтационная политика Р. Рейгана в области контроля над вооружениями и региональных конфликтов усилили опасения по поводу угрозы ядерного Армагеддона во всем мире. В результате антиядерный активизм в самом начале 1980-х гг. пережил настоящий всплеск. 12 июня 1982 г. почти миллион человек собрались в Центральном парке Нью-Йорка на гигантский митинг за разоружение, одну из крупнейших демонстраций в истории США. В Европе

кампании за ядерное разоружение также набирали силу. Для некоторых стран демонстраций было недостаточно, и они начали продвигать общественную дипломатию, чтобы сломить эскалацию идеологического дискурса, который, казалось, мог привести к войне. Например, в 1983 г. Синтия Лазарофф, выпускница Принстонского университета, преподававшая в советских школах, создала программу молодежных обменов между США и СССР, которая позволила сотням американских молодых людей принять участие в поездках по Советскому Союзу [Edelman 1964: 5].

Пока взрослые оспаривали образ ребенка в пропаганде времен холодной войны, дети и подростки росли с реальной тревогой и реальным страхом перед ядерным уничтожением. Периодическая печать, обсуждаемая взрослыми, телевидение и радио – всё это поднимало градус беспокойства на новый уровень. Психологи, педагоги и родители все больше беспокоились о последствиях угрозы ядерной войны для детей.

В-третьих, детская дипломатия является частью возросшей субъектности у самих детей, наблюдавшейся на фоне ослабления идеологического контроля над частной жизнью и расширения сфер детской самостоятельности. Подтверждение этому тезису мы находим в исследованиях детской интернациональной переписки у А. В. Беловой [Белова 2015; 2018]. Феномен детской интернациональной дружбы начал формироваться в 1960-е гг. после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г. и внимания к изучению иностранных языков в советской школе. Пережив некоторую динамику, интернациональная детская переписка стала все больше тяготеть к частной сфере, сочетая три компонента: собственно «другое», идеологическое и личное [Белова 2015: 235]. А. В. Белова отмечает, что переписываясь, советские школьники обретали уникальный опыт «иной» повседневности, который в процессе присвоения становился как бы их собственной «пережитой историей» [Белова 2015: 244].

В-четвертых, понятие детской дипломатии, появившееся в американском политическом дискурсе (*children diplomacy*) [Lancy 2008], свидетельствовало о его восприятии в первую очередь как дипломатии или инструмента внешней политики, определявшего взаимодействие государства с остальным миром на условии переговоров между уполномоченными представителями разных групп или наций. Такой редукционизм не позволяет считать детскую дипломатию самобытной общественной практикой, инициированной исключительно субъективными намерениями.

В-пятых, понятием *детская дипломатия* можно охарактеризовать новое институциональное явление, возникшее во второй половине XX в., как деятельность

детских и молодежных организаций на международной арене. Пример СССР с интернационализацией дружбы в данном случае является частным проявлением этого международного явления. Возникновение международных новых и реорганизация старых детских и молодежных организаций является подтверждением тому, что сфера публичной дипломатии претерпевала трансформацию, дополнившись новыми механизмами достижения внешнеполитических целей с участием детей: международная организация «Дети как миротворцы» (*Children As The Peacemakers*), «Марксистский союз студентов Spartak» (*Marxistische Studentenbund Spartakus*), «Международный комитет детских и юношеских организаций» (*Comité international des mouvements d'enfants et d'adolescents*), международная организация «Спасём детей» (*Save the Children*), реорганизованная в 1970-е гг. в «Агентство по развитию и изменению положения детей в развивающихся странах» [Балакирев 2019].

Применительно к советской реальности позднего социализма понятие детской дипломатии редуцировано другим понятием – интернационализм. Его содержание на официальном уровне сформулировано весьма абстрактно через терминологию дружбы, сотрудничества и товарищеской взаимопомощи со странами социалистического содружества. Весьма интересно, что ограничение интернационализма на социалистических странах, отмеченное в Конституции СССР от 7 октября 1977 г., преодолевалось более конкретной интерпретацией этих ключевых терминов, где дружба понималась, например, как «добровольное сотрудничество на основе взаимной выгоды, полного равноправия, уважения независимости и суверенитета каждого государства»³.

Результаты

Довольно хорошо изученный в историографии визит американской девочки Саманты Смит в СССР, состоявшийся в июле 1983 г., представляет актуальность под новым углом – с точки зрения политической социализации советских школьников. В соответствии с методикой анализа политической социализации Г. Хаймана, автора самого термина, важными критериями, позволяющими судить о сформированности политической культуры, являются: 1) политическая независимость, 2) самостоятельное политическое суждение, 3) политическая толерантность [Нутан 1959]. Имея в виду динамику политической социализации применительно

к возрасту, Г. Хайман выделяет фазы. Подростковому возрасту соответствуют сразу две: первичная, характерная для политической социализации в семье, когда дети получают ориентацию в отношении основных социокультурных норм и ценностей, и вторичная, в школе, где в процессе подготовки к ролям взрослой жизни за счет учителей, сверстников и социума эксплицитно формируются общие политические представления. Отсутствие свободы и независимости политических суждений в условиях идеологического противостояния априори не дает возможности рассмотреть сформированность всех признаков политической социализации, однако позволяет выявить ориентиры, которые в 1980-е гг. отражали объективную потребность во взаимном сближении и поиске его альтернативных неполитических средств.

О политической независимости и самостоятельности советских детей в общении с Самантой Смит, насколько это было возможно в условиях идеологической зависимости, в соответствии с методикой анализа детской политической коммуникации И. И. Валуйцевой и И. С. Ветчиныной [Валуйцева, Ветчинина 2020], можно говорить в связи с тем, что ряд клише, как *советские дети не хотят войны, хорошо учиться, чтобы не допустить войны, советская страна – мирная страна*, взятых из опросов советских школьников⁴, не просто транслировался, а раскрывался на примерах американской художественной литературы, переведенной в СССР. На примерах упоминаемых советскими школьниками героев романов Марка Твена Гекльберри Финна и Тома Сойера приведенные клише транслируются на примерах детской дружеской солидарности, борьбе с несправедливостью и жестокостью, мирном и спокойном сосуществовании, где есть место детским шалостям.

В то же время, подчеркивают авторы исследования, для речи советских детей, вовлеченных в политику, были характерны особенности, свидетельствующие о специальном отборе и подготовке: 1) процент содержательности речи выше, чем у сверстников; 2) преобладание в меньшем количестве или отсутствие слов-паразитов и сленга; 3) формулируемые предложения в среднем длиннее, чем у сверстников; 4) объем словарного запаса больше и специфичнее; 5) вероятность билингвизма (в частности искусственного) выше, чем у сверстников; 6) количество пауз меньше, т. к. речь нередко бывает заученной; 7) частое чередование темпов речи [Валуйцева, Ветчинина 2020: 16].

³ Пролетарский интернационализм. In: Абаренков В. П. и др. *Краткий политический словарь*. 5-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. С. 349.

⁴ Милашенко О. «Помнишь, Саманта?» *Комсомольская правда*. М., 01.01.1984; Мир – всем! *Ленинские искры*. 20.07.1983; Юному послу доброй воли. *Правда*. 24.12.1986. № 358 (24980); Я за мир на всю жизнь. *Комсомолец Кубани*. Краснодар, 23.06.1983; Саманта – маленький посол мира. *Московские новости*. 13.10.1985.

О поведении советских школьников, интерпретировать которое можно было бы как детское понимание политической ответственности, свидетельствует факт из воспоминаний вожатой Саманты Смит О. Сахатовой. Она упоминает два случая в столовой, где Саманта обращает внимание на грязную рубашку одного мальчика. В процессе перевода пришлось придумывать историю о мальчике-художнике, который только что запачкался свежей краской. Другой случай касался желтого цвета сосисок, которые Саманта отказывалась есть. Чтобы не доводить дело до скандала, была придумана история про особый сорт сосисок, которую дети быстро придумали и рассказали американской девочке⁵.

Интересный взгляд на политическую социализацию советских школьников проливают воспоминания самой Саманты Смит. В книге «Путешествие в Советский Союз» она отметила их живой интерес к Америке, который советские школьники демонстрировали особенно по вечерам и ночам уже после отбоя в лагере «Артек»: «[Им было интересно], как мы одеваемся, и какая музыка нам нравится. Всем хотелось знать, как я живу, а иногда по вечерам мы говорили о войне и мире, но это казалось лишним, потому что все хорошо относились к Америке и уж, конечно, не хотели никакой войны»⁶.

Саманта Смит почти не комментирует желание советских школьников говорить о мире и страхи перед войной. Единственная часть воспоминаний, где она пишет об этом, наводит на мысль о том, что разговоры о мире во всем мире не были обычным идеологическим шаблоном, навязанным сверху. Она упоминает, что «почти у всех ребят во второй мировой войне погибли родные и близкие, и они очень надеялись, что новой войны никогда не будет»⁷. Присутствие этой цитаты и в оригинальной версии воспоминаний на английском языке⁸, и в переводе на русский наводит на мысль о возможной независимости таких суждений советских школьников, внеидеологический характер которой можно было объяснить ресурсами политической социализации семейного воспитания.

Взгляд на политическую социализацию советских школьников в пространстве детской публичной дипломатии не будет полным, если не принимать во внимание еще одну перспективу. Она связана с репрезентацией

советской политической действительности за рубежом. В этой связи интерес представляет визит советской школьницы Кати Лычёвой в США с миссией мира, который состоялся весной 1986 г. Среди факторов отбора девочки в СССР определяющими стали знание английского языка и опыт киносъемок – «Живая радуга» (1982) и «Детство Бемби» (1985). Политическую грамотность советской школьницы должны были обеспечивать секретарь советского комитета защиты мира Е. Оскольский⁹. Воспоминания самой Кати Лычёвой, написанные и опубликованные спустя два года после визита¹⁰, обходят стороной политическую подготовку девочки к визиту в Америку. Однако некоторые факты из этих воспоминаний обращают внимание на одну особенность. Девочка самостоятельно или нет, но обращает внимание и отмечает в воспоминаниях негативный образ СССР в Америке. Упоминания об этом тщательно приводятся в воспоминаниях. Во-первых, Кате не разрешили гулять по городу, из тайных разговоров взрослых она узнала, что поступили угрозы в ее адрес, ее хотели убить. Это вызвало у нее непонимание: «ведь я никому ничего не сделала плохого»¹¹. Во-вторых, разочарованием для нее был просмотр фильма «Рокки IV», который характеризовался как фильм о советском боксере. Девочка увидела, какой образ советских людей присутствует в американском обществе: чудовищная внешность, склонность к насилию и убийству. Вскоре на американском телевидении она жестко объявила: «в фильме Рокки IV [...] нет ни слова правды о Советском Союзе [...]. Я поняла, что те, кто разжигает ненависть к нашим людям – это и есть первые враги мира на Земле»¹².

Эти и другие факты приводят к пониманию, что одной из задач политической миссии Кати Лычёвой был сбор необходимой информации об общественном мнении США, которое позже можно было бы соответственно интерпретировать в Советском Союзе. В этом случае мнение девочки могло считаться авторитетным, т. к. у нее, в отличие от большинства советских граждан, уже был личный опыт общения с американцами. Кроме того, соответствующим образом можно было бы преподнести это мнение как мнение ребенка, напуганного и удрученного ложными стереотипами, развиваемыми американской пропагандой. Это мнение потенциально

⁵ Сахатова О. О Саманте, шоколадках, бантиках и бдительных спецслужбах...

⁶ Смит С. Путешествие в Советский Союз... С. 8.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Smith S. Journey to the Soviet Union. Boston; Toronto: Little Brown and Co, 1985. 122 p.

⁹ Симонов В. Маленький посол мира... С. 5.

¹⁰ Лычёва К. С миссией мира. М.: АПН, 1988. 88 с.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же. С. 51.

могло стать средством общественного неполитического воздействия, особенно через международную организацию «Дети как миротворцы» (*Children as the Peacemakers*), организовавшую визит советской школьницы в США.

Еще одной политической задачей, решать которую представился шанс Кате Лычёвой, были встречи с официальными и неофициальными лицами. На них школьница из СССР должны была детским языком донести миссию своей страны в отношении с США. В ходе краткой беседы с президентом Р. Рейганом она рассказала ему о том, что весь советский народ хочет мира, а также довольно четко обозначила позицию: «А я знаю, что наша страна предложила уничтожить все-все ядерное оружие на Земле еще до того, как я вырасту. Хорошо бы, чтобы это произошло»¹³.

После встречи с президентом Катя Лычёва заявила на американском телевидении о том, что взрослые не должны обманывать, и что она верит: испытаний ядерного оружия больше не будет¹⁴. Прошедшие после визита советской школьницы в Америке испытания ядерного оружия, о чем был официально проинформирован СССР, дали повод к новым обвинениям и в первую очередь к обвинениям во лжи американского президента, взрослого, обычному ребенку.

Представляется, что еще одной важной задачей визита, которую можно рассматривать как фактор политической социализации советской школьницы, стало укрепление и расширение контактов с американскими детьми и их родителями. Это обращает внимание на то, что СССР не исключал возможности обращения к американскому общественному мнению через эти новые каналы взаимодействия. В воспоминаниях советская школьница отмечает, что несколько тысяч американских адресов было получено и отправлено советским детям для налаживания взаимных контактов¹⁵.

Заключение

В 1980-е гг. в условиях продолжающегося идеологического противостояния двух сверхдержав мировая общественность узнала о детской публичной дипломатии, вдохновившей к поиску неполитических средств воздействия на конкурентов «снизу». Главными акторами и в то же время средством публичной дипломатии стали дети с их возможностями формирования общественного мнения независимо от границ, национальностей или религии. Фактором участия детей в публичной дипломатии становится явление политической социализации.

До того как политическая социализация была возведена в ранг специального научного исследования, в 1980-е гг. был накоплен специфический опыт осмысления участия детей в пространстве культурной дипломатии. Однако анализ этого опыта не позволяет считать его успешным даже с учетом позитивной интенциональности и эмоциональной окрашенности для самих детей. Вовлечение детей в публичную дипломатию лишило их свободы выбора и многих присущих возрасту возможностей, изменив детскую психологию под влиянием политической идеологии. Примеры политической социализации советских школьников в ходе интернациональных визитов 1980-х гг. показали, насколько далеко распространилось конъюнктурное идеологическое воздействие, трансформирующее детскую повседневность.

Представленный общественности как начавшийся спонтанно детский международный диалог в конечном счете приобрел форму политической технологии. Тем не менее такая политическая технология оказалась зависима от специальных ресурсов и затрат на политическую социализацию советских детей, поскольку впервые речь зашла не о недостижимых «заграничных друзьях», с которыми можно было общаться по переписке, а о реальном живом общении. Технология оказалась уязвима ввиду специфики детского восприятия реальности и поведения самих участников международных визитов. Воспоминания советских школьников, участвовавших и включенных в организацию международных детских визитов, проливают свет не только на особый отбор и специальную подготовку, но и на специфически детскую реакцию и своеобразные частные, повседневные ниши большой политики. Это позволяет рассматривать политическую социализацию советских школьников не только как целенаправленный и контролируемый, но и как стихийный процесс. Проект детской дипломатии не был реализован по своему первоначальному сценарию, т. к. не учел транснациональную международную активность. Эта активность была связана с борьбой за мир, актуализированной глобализацией международных отношений.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 47–50.

Критерии авторства: А. А. Турыгин – концептуализация, методология, привлечение ресурсов, написание и редактирование текста, визуализация. Б. В. Куприянов – концептуализация, привлечение ресурсов, курирование, редактирование текста. А. А. Талалаев – проведение исследования и сбор данных, визуализация.

Contribution: A. A. Turygin developed the research concept and methodology, acquired financing, and wrote the draft. B. V. Kupriyanov developed the research concept, acquired financing, provided scientific counselling, and proofread the manuscript. A. A. Talalaev collected the data.

Финансирование: Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00651 «Жизненный мир советского школьника второй половины XX века в контексте социального воспитания и социализации».

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00651: The Life of a Soviet Schoolchild in the Second Half of the XX Century in the Context of Social Education and Socialization.

Литература / References

- Балакирев А. Н. Создание и деятельность международного комитета детских и юношеских организаций (СИМЕА) в 1960–80-х гг. *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 5. С. 86–89. [Balakirev A. N. The establishment and activities of the international committee of children's and adolescents' movements (CIMEA) in the 1960s–1980s. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2019, (5): 86–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/fik.2019.5.16>
- Белова А. В. Интернациональная дружба по переписке как феномен повседневности школьниц в социалистических обществах 1980-х годов (на примере ГДР и СССР). *Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы*, ред. А. К. Сорокин, В. С. Дубина, Я. К. Берендс. М.: РОССПЕН, 2015. С. 226–246. [Belova A. V. International pen-pal friendship as a phenomenon of everyday life of schoolgirls in the socialist societies in the 1980s: GDR and the USSR. *Everyday life under socialism. German and Russian Approaches*, eds. Sorokin A. K., Dubina V. S., Berends Ya. K. Moscow: ROSSPEN, 2015, 226–246 (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zdstvx>
- Белова А. В. Концепт «интернациональная дружба» в идеологии и повседневности позднесоциалистических обществ ГДР и СССР. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2018. № 1. С. 4–19. [Belova A. V. Concept "international friendship" in ideology and everyday life of later socialist societies in the GDR (German Democratic Republic) and the USSR (Union of Soviet Socialist Republics). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Istoriya*, 2018, (1): 4–19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uysnyk>
- Березков В. М. Американцы и мы. Встречи. Эпизоды. Размышления. *Новая и новейшая история*. 1988. № 2. С. 127–147. [Berezhkov V. M. Americans and us. Meetings. Episodes. Reflections. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 1988, (2): 127–147. (In Russ.)]
- Бонвеч Б. Советский образ Америки на переходном этапе: от союзника по коалиции до противника в Холодной войне. *СССР и США в XX веке: восприятие «другого»*, отв. сост. Б. Физилер, Р. Магнусдоттир. М.: Полит. энцикл., 2017. С. 47–59. [Bonvech B. The Soviet image of America in transition: from coalition ally to Cold War enemy. *The USSR and the USA in the XX century: the perception of the "other"*, comps. Fiziler B., Magnusdottir R. Moscow: Polit. entsikl., 2017, 47–59 (In Russ.)]
- Бурдьё П. О символической власти. In: Бурдьё П. *Социология социального пространства*. СПб: Алетейя, 2007. С. 87–98. [Bourdieu P. Symbolic power. In: Bourdieu P. *Sociology of social space*. St. Petersburg: Aleteiia, 2007, 87–98. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tlwnrx>
- Валуйцева И. И., Ветчинина И. С. Особенности речи детей, вовлеченных в политику. *Вопросы прикладной лингвистики*. 2020. № 39. С. 7–32. [Valuiceva I. I., Vetchinina I. S. Speech features of children involved in politics. *Issues of Applied Linguistics*, 2020, (39): 7–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25076/vpl.39.01>
- Верчагина И. Ю., Бахарева А. Н. Использование детей в технологиях политического манипулирования. *Инновации в технологиях и образовании: XIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Белово, 26 марта 2020 г.) Кемерово: КузГТУ, 2020. Т. 3. С. 152–155. [Verchagina I. Yu., Bakhareva A. N. Children in the technologies of political manipulation. *Innovations in technology and education: Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Belovo, 26 Mar 2020. Kemerovo: KuzSTU, 2020, vol. 3, 152–155. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mhynbi>
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и славянством. М.: Паритет, 1997. 680 с. [Gachev G. D. *National images of the world: America in comparison with Russia and the Slavs*. Moscow: Paritet, 1997, 680. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wxnjod>

- Головакова Г. А. Стереотипизация как метод буржуазной пропаганды. *Техника дезинформации и обмана*, ред. Я. Н. Засурский. М.: Мысль, 1978. С. 37–63. [Golovakova G. A. Stereotyping as a method of bourgeois propaganda. *Technique of disinformation and deception*, ed. Zasurskii Ya. N. Moscow: Mysl, 1978, 37–63. (In Russ.)]
- Джуринский А. Н. История образования и педагогической мысли. М.: ВЛАДОС-пресс, 2003. 400 с. [Dzhurinsky A. N. *History of education and pedagogical thought*. Moscow: VLADOS-press, 2003, 400. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zprnop>
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: НЛО, 2015. 568 с. [David-Fox M. *Showcasing the great experiment: cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Moscow: NLO, 2015, 568. (In Russ.)]
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с. [Zubkova E. Yu. *Postwar Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953*. Moscow: ROSSPEN, 1999, 229. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pхрсјр>
- Касьяненко В. И. Правда и ложь о Стране Советов. М.: Мысль, 1987. 335 с. [Kasyanenko V. I. *Truth and lies about the Land of the Soviets*. Moscow: Mysl, 1987, 335. (In Russ.)]
- Келли К. «Маленькие граждане большой страны». Интернационализм, дети и советская пропаганда. *Новое литературное обозрение*. 2003. № 2. С. 218–251. [Kelly K. "Little Citizens of a Big Country." *Internationalism, children and Soviet propaganda*. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2003, (2): 218–251. (In Russ.)]
- Коган С. И. Народная дипломатия как форма культурного сотрудничества СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. *Общество. Среда. Развитие*. 2012. № 1. С.94–98. [Kogan S. I. *Public diplomacy as a form of cultural cooperation between the USSR and Great Britain during the Second World War and in the post-war period*. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2012, (1): 94–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pananx>
- Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996. 215 с. [Kozlova N. N. *Soviet horizons of everyday life: voices from the choir*. Moscow: IP RAS, 1996, 215. (In Russ.)]
- Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия). *История повседневности*, отв. ред. М. М. Кром. СПб.: ЕУСПб, 2003. Вып. 3. С. 7–14. [Krom M. M. *Everyday life as a subject of historical research: Preface*. *History of everyday life*, ed. Krom M. M. St. Petersburg: EUSPb, 2003, iss. 3, 7–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywdhek>
- Куц Л. Г. Клубы интернациональной дружбы как центры воспитания в опыте российской школы. *Человек и образование*. 2010. № 2. С. 58–62. [Kuts L. G. *International friendship clubs as educational centers in the experience of Russian school*. *Man and Education*, 2010, (2): 58–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mlmqet>
- Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 205 с. [Livshin A. Ya., Orlov I. B. *Power and society: a dialogue in letters*. Moscow: ROSSPEN, 2002, 205. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlqhlh>
- Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с. [Lüdtke A. *The history of everyday life in Germany: Reconstructing historical experiences and ways of life*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 271. (In Russ.)]
- Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии. *Социальная история. Ежегодник. 1998/1999*, отв. ред. Л. И. Бородкин, К. М. Андерсон. М.: Полит. энцикл., 1999. С. 78–80. [Lüdtke A. *What is the history of everyday life? Achievements and prospects in Germany*. *Social history. Yearbook. 1998/1999*, eds. Borodkin L. I., Anderson K. M. Moscow: Polit. entsikl., 1999, 78–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/srvudf>
- Макинтайр А. После добродетели. М.: Акад. проект, 2000. 384 с. [McIntyre A. *After Virtue*. Moscow: Akad. projekt, 2000, 384. (In Russ.)]
- Маношкина О. А., Фуфаева А. П. Детская дипломатия. *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика*. 2015. № 3. С. 109–113. [Manoshkina O. A., Fufaeva A. P. *Children's diplomacy. Sotsialno-ekonomicheskie issledovaniia, humanitarnye nauki i iurisprudentsiia: teoriia i praktika*, 2015, (3): 109–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvedyh>
- Манучарян Л. С., Сокова Я. Д. «Детская дипломатия» как способ решения военных конфликтов. *Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля*. 2018. № 6-7. С. 81–88. [Manucharyan L. S., Sokova Ya. D. "Children's diplomacy" as a method of solving of the military conflicts. *Vestnik Luganskogo natsionalnogo universiteta imeni Vladimira Dala*, 2018, (6-7): 81–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xykest>

- Мартыненко Е. В., Матвиенко В. В. Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2012. № 1. С. 57–60. [Martynenko E. V., Matvienko V. V. Public diplomacy in the context of modern interstate communication. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2012, (1): 57–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oqjljl>
- Мычко Е. И., Денисова Н. Ю. Становление детской публичной дипломатии в СССР и США. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021. № 2. С. 84–87. [Mychko E. I., Denisova N. Y. Formation of children's public diplomacy in the USSR and the USA. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, (2): 84–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/urqcvb>
- Нагорная О. С. «...Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989). *Диалог со временем*. 2015. № 53. С. 269–278. [Nagornaya O. S. "When the USSR became strong and powerful... many nations seek our friendship": aspects of the studies of cultural diplomacy in the socialist camp (1949–1989). *Dialog so Vremenem*, 2015, (53): 269–278. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vofnfb>
- Нагорная О. С. Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома». *Российская история*. 2017. № 3. С. 164–167. [Nagornaya O. S. Through the looking glass of soviet modernity: foreign representations of the USSR in the epoch of the "great turn". *Rossiiskaia Istoriia*, 2017, (3): 164–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytmvcb>
- Нагорная О. С., Попов А. Д., Раева Т. В. Детское обаяние в арсенале советской культурной дипломатии. In: Никонова О. Ю., Попов А. Д., Раева Т. В., Трегубов Н. А., Нагорная О. С. *Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989*. М.: Полит. энцикл., 2018. С. 367–390. [Nagornaya O. S., Popov A. D., Raeva T. V. Children's charm in the arsenal of Soviet cultural diplomacy. In: Nikonova O. Yu., Popov A. D., Raeva T. V., Tregubov N. A., Nagornaya O. S. *Soviet cultural diplomacy in the conditions of the Cold War. 1945–1989*. Moscow: Polit. Entsikl., 2018, 367–390. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szoccv>
- Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск-М.: Фонд Социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с. [Nye J. S. Jr. *Soft power the means to succeed in world politics*. Novosibirsk-Moscow: Foundation for Socio-Prognostic Research "Trendy", 2006, 221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uljjzf>
- Новиков М. В., Морозов А. С. Культурная дипломатия СССР в странах Запада в годы холодной войны. *Верхневолжский филологический вестник*. 2020. № 2. С. 264–270. [Novikov M. V., Morozov A. S. Soviet cultural diplomacy in the Western countries during the Cold War. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2020, (2): 264–270. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-2-21-264-270>
- Попов А. Д. Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года и формирование «культурной матрицы» советского мегасобытия. *Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: IX Междунар. науч. конф.* (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г.) М.: Полит. энцикл., 2017. С. 726–736. [Popov A. D. World Festival of Youth and Students in 1957 and the formation of the "cultural matrix" of the Soviet mega-event. *Culture and power in the USSR. 1920–1950s: Proc. IX Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 24–26 Oct 2016*. Moscow: Polit. entsikl., 2017, 726–736. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvolfx>
- Попов А. Д. Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода холодной войны. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2018а. № 2. С. 81–88. [Popov A. D. International activity of "Artek" in the context of children's diplomacy in the period of Cold War. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, 2018а, (2): 81–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvpqvq>
- Попов А. Д. Последнее советское мегасобытие: XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве. *Новейшая история России*. 2018b. Т. 8. № 4. С. 1017–1031. [Popov A. D. The last Soviet mega event: the XII World Festival of Youth and Students in Moscow. *Modern History of Russia*, 2018b, 8(4): 1017–1031. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.415>
- Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2017. Т. 17. № 2. С. 19–25. [Raeva T. V. Soviet peace movement in postwar cultural diplomacy: institutions, discourses, practices. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2017, 17(2): 19–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ssh170203>

- Холландер П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978). СПб.: Лань, 2001. 590 с. [Hollander P. *Political pilgrims: travels of Western intellectuals in the Soviet Union, China and Cuba 1928–1978*. St. Petersburg: Lan, 2001, 590. (In Russ.)]
- Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США в России: от «демократизации» к развитию «социального активизма». *США и Канада: экономика, политика, идеология*. 2012. № 10. С. 37–46. [Tsvetkova N. A. Russia in U.S. public diplomacy: from the promotion of democracy to the support of social activism. *USA & Canada: Economics, Politics, Ideology*, 2012, (10): 37–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzvzox>
- Adam J. *Ordnungen des Nationalen und die geteilte Welt: Zur Praxis Auswärtiger Kulturpolitik als Konfliktprävention*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2018, 444. <https://doi.org/10.14361/9783839442623>
- Alexander J., McConnell S. Children as peacemakers: Promoting the development of cooperation and conflict resolution. *Nonviolence: Social and psychological issues*, ed. Kool V. K. University Press of America, 1993, 107–128.
- Ang I., Isar Y. R., Mar P. Cultural diplomacy: Beyond the national interest? *International Journal of Cultural Policy*, 2015, 21(4): 365–381. <https://doi.org/10.1080/10286632.2015.1042474>
- Conover P. J. Political Socialization: Where's the Politics? *Political science: Looking to the future. Vol. 3: Political behavior*, ed. Crotty W. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1991, 125–152.
- Cummings M. C. *Cultural diplomacy and the United States government: A survey*. Washington, DC: Center for Arts and Culture, 2009, 167.
- Edelman M. J. *Constructing the political spectacle*. Chicago: University of Chicago Press, 1988, 142.
- Edelman M. J. *Politics as symbolic action: Mass arousal and quiescence*. NY: Academic Press, 1971, 188.
- Edelman M. J. *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964, 233.
- Foglesong D. S. When the Russians really were coming: citizen diplomacy and the end of Cold War enmity in America. *Cold War History*, 2020, 20(4): 419–440. <https://doi.org/10.1080/14682745.2020.1735368>
- Galicich A. *Samantha Smith: A journey for peace*. Minneapolis: Dillon Press, 1987, 68.
- Groh D. "Geschichte von unten – Geschichte von innen". Blick über die Grenzen. In: Groh D. *Anthropologische Dimensionen der Geschichte*. 1. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992, 175–177.
- Hixson W. L. *George F. Kennan: Cold War iconoclast*. NY: Columbia Univ. Press, 1989, 381.
- Hyman H. *Political Socialization: A study in the psychology of political behavior hardcover*. NY: Free Press, 1959, 175.
- Kozovoï A. L'enfance au service de la guerre froide Le voyage de Samantha Smith en URSS. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 2007, (96): 195–207. <https://doi.org/10.3917/ving.096.0195>
- Lancy D. *The anthropology of childhood: Cherubs, chattel, changelings*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 480. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139680530>
- Montandon P., Beebe M. *Making friends: Katya from Moscow and Star from San Francisco: Two eleven-year-old girls discover America together*. NY: Henry Holt & Co, February 1989, 122.
- Neumann M. Children diplomacy during the Late Cold War: Samantha Smith's visit of the 'Evil Empire'. *History*, 2019, 104(360): 275–308. <https://doi.org/10.1111/1468-229X.12818>
- Peacock M. *Innocent weapons: The Soviet and American politics of childhood in the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2014, 304.
- Politikvermittlung und Demokratie in der Mediengesellschaft: Beiträge zur politischen Kommunikation*, Hg. Sarcinelli U. Bonn: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998, 479.
- Sarcinelli U. *Politische Kommunikation in Deutschland. Medien und Politikvermittlung im demokratischen System*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, Springer Fachmedien GmbH, 2011, 407. <http://dx.doi.org/10.1007/2F978-3-531-93018-3>